

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Дивисенко
Константин
Сергеевич** —

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Федерального государственного бюджетного учреждения науки Социологического института РАН (Санкт-Петербург). В журнале «Человек» публикуется впервые.
E-mail: divis@inbox.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 13-06-00243 «Биографическое исследование жизненного мира».

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА В АВТОБИОГРАФИИ

© 2015

К.С. Дивисенко

Разнообразные концептуализации жизненного мира восходят к трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, в которой это понятие впервые получило теоретическое обоснование. В социологии интерес к категории «жизненный мир» обусловлен поисками теоретической конструкции, способной охватить социальную реальность с точки зрения, как микро-, так и макропроцессов [10].

Жизненный мир личности в качестве интересубъективной модели реальности обеспечивает возможность субъекту жить и действовать, адаптироваться к условиям жизни и приводить их в соответствие со своими потребностями, в интересубъективном взаимодействии жизненный мир выступает необходимым ресурсом и результатом социального взаимодействия. Трансцендентность жизненного мира личности преодолевается в межсубъективной коммуникации, происходящей во внешнем (по отношению к сознанию) мире [12].

Различные элементы жизненного мира личности могут быть эксплицированы посредством рационализации и социальной коммуникации. В процессе рационализации субъект переходит от практического Я (установки обыденного сознания) к трансцендентальному Я (авторerefлексия), а также тематизирует область обыденного знания. Коммуникация позволяет субъекту артикулировать свой жизненный мир посредством знаковой системы, в результате чего он может быть воспринят и понят Другим.

Одной из распространенных и культурно устойчивых форм манифестации жизненного мира являются автобиографии, дневники, мемуары. В настоящее время, как отмечает У. Бек, исследование биографий носит междисциплинарный характер, как на уровне методологии, так и на уровне конкретных эмпирических исследований [3]. Во-первых, автобиография открывает исследователю доступ к фактуальному миру прошлого, истории жизни индивида. Во-вторых, в автобиографии заключается не только описание конкретных событий, но и их интерпрета-

ция, то есть текст представляет собой репрезентацию внутреннего мира человека.

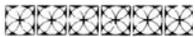
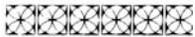
Использование автобиографий для реконструкции прошлого может быть осуществлено как в рамках социологии, так и истории. Предметом биографического исследования конкретной социальной ситуации в этом подходе становятся сами исторические явления (факты). По мнению И.Ф. Девятко, такой подход к биографии относится к предмету *устной истории*, для которой важно фактуально точное воссоздание определенных исторических событий и где основной интерес сосредоточен не на субъективном опыте автора биографии, а на историческом знании [9, с. 69]. Подобные исследования являются историческими либо относятся к социальной истории, этнографии, в них используются преимущественно исторические методы (сравнительно-исторический, критика источников, источниковедение и т.п.). В таком направлении социологического исследования, как *история жизни*, исследователи, как правило, придерживаются реалистического подхода к интерпретации автобиографии. Так, Д. Берто считает, что основная задача социолога, использующего биографический подход, — увидеть за историями жизни отдельных индивидов социальный контекст, понять с помощью биографических интервью и наблюдения социальные силы, лежащие в основе социальных феноменов [5].

Другой способ использования автобиографических материалов нацелен на реконструкцию внутреннего мира людей, их субъективного опыта [23, с. 45]. В этом случае фактуальная канва исторических событий прошлого уходит на второй план. В центр внимания исследователя попадает интерпретация данных событий, их презентированность в памяти респондента и репрезентация в биографическом тексте. Так, биографии крестьян, которые жили в эпоху коллективизации, можно использовать и для реконструкции прошлого — в исторических целях, уточнять некоторые детали, не отраженные в других исторических работах¹, а, с другой стороны, благодаря этим жизнеописаниям становится возможным определить ментальные особенности людей [19]. Признаками социального различия, в первом случае, будет описание социальных отношений, во втором — различие языков.

В исследовании жизненного мира в равной мере оказывается важным обращение к жизнеописаниям и как к источнику знаний о прошлом, и как к индивидуальной конструкции социального мира, которая формирует у автора определенную идентичность. Если обратиться к определению, то под автобиографией можно понимать “совокупность представлений индивида о собственном жизненном пути и его значимых событиях” [13]. Следует добавить, что данная совокупность не является простым, механическим рядоположением, а представляет собой целостную “искусственно созданную модель личности” [6, с. 54].

Для подробного рассмотрения особенностей механизма репрезентации жизненного мира в автобиографическом нарративе

¹ П. Томпсон отмечает, что устная история позволяет “проникнуть в область, недоступную другим путем”, скорректировать или обосновать уже имеющееся историческое знание [8, с. 96, 120–122].

детально проанализируем коммуникативную ситуацию, в которой происходит рассказ субъекта о своей жизни, и те условия, которые оказывают на этот процесс значимое влияние. Дальнейшие наши рассуждения о коммуникативной ситуации автобиографического повествования² опираются на некоторые положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Диалогический процесс автобиографического повествования состоит из *двух звеньев*: 1) конструирование и рассказывание субъектом истории собственной жизни; 2) восприятие и интерпретация данного рассказа другим субъектом.

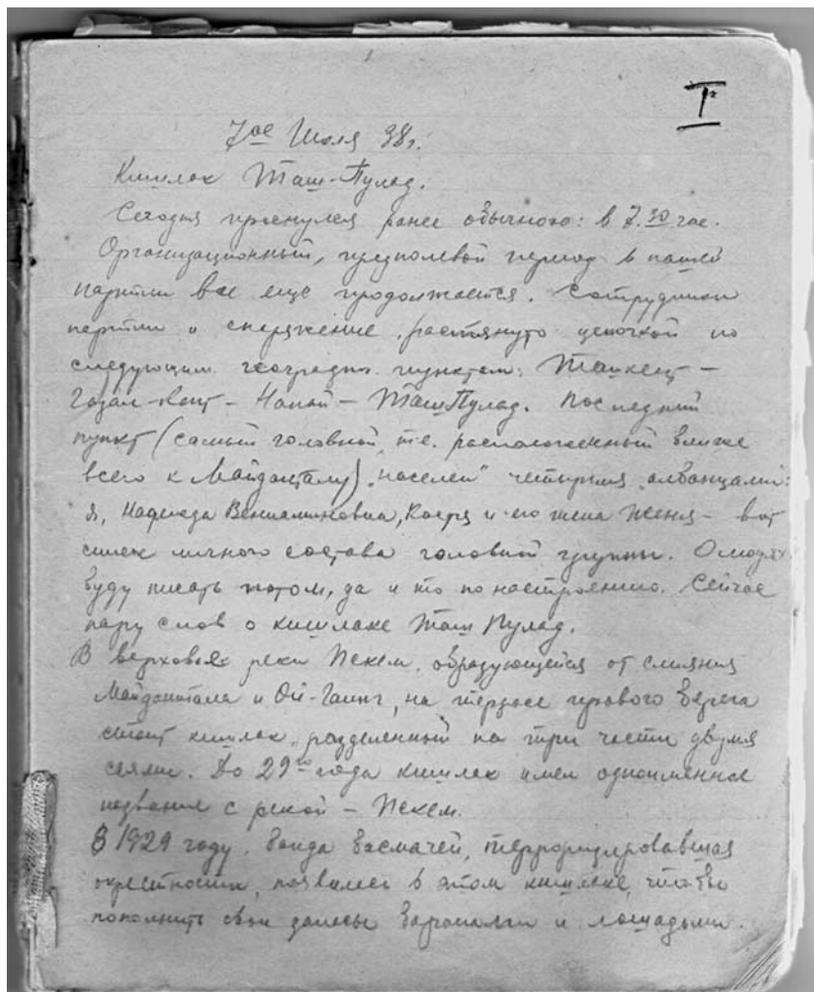
Нарративизация субъектом (адресантом) событий личной истории, происходящая в первом звене автобиографической коммуникации, связывает три мира — объективный, социальный и индивидуальный [24, с. 120]. Нарратор в биографическом повествовании выступает в роли *действующего субъекта*, своего рода демиурга. В его рассказе сплавляются в единое целое объективный мир фактов, социальный и индивидуальный миры — три компонента его индивидуальной жизненной траектории. Непременность *объективной истории его жизни* связана с конкретной эпохой, временем, географическим пространством, социальными событиями и другими людьми. *Конвенциональные представления индивида о нормативном* — следствие его культурной компетентности, жизни в той или иной культурной обстановке, характерной для определенной социальной страты. *Индивидуальные особенности* внутреннего мира зависят как от физиологического, так и от душевно-духовного состояния человека и обеспечивают ему неповторимую индивидуальность.

В момент автобиографического повествования проблематизируется область, которая относительно редко становится предметом рефлексии в обыденной установке — область прошлой жизни. Автобиографический нарратив своего рода — “экстатический” опыт³, которого нет в повседневной жизни. В нем становятся важными не отдельные события сами по себе, а их совокупность, целостность, определенного рода системность.

Рассказ о собственной жизни почти всегда соотносится с ее оценкой, данное обстоятельство А.Н. Алексеев обозначил как ауторефлексивный эффект [1, с. 50]. В психологическом плане ауторефлексивный эффект автобиографического письма для индивида может быть либо положительным, либо отрицательным, так как конструирование автобиографии изменяет взгляд на собственную жизнь посредством ее рационализации и оценки. В момент, когда происходит пересмотр собственных ценностей, норм, идеалов, вызванный социальными изменениями или, возможно, личным кризисом, для человека большое значение имеет сфера собственного опыта, которая выступает в качестве мерила для подтверждения эфемерности или убеждения в непреложности всего нового, собственный опыт человека, его жизненный мир всегда служат наиболее убедительным доказательством.

² В статье мы не касаемся собственно биографического повествования, когда автором описывается история не своей жизни, а жизни другого человека. Биографическое письмо может быть рассмотрено с помощью данной схемы коммуникации, но задача будет усложнена введением еще одного действующего субъекта — биографа, тем самым будут взаимодействовать три субъекта — герой рассказа (персонаж), биограф (автор) и читатель (адресат).

³ Экстаз в феноменологической социологии понимается как “акт отстранения или резкого выхода за пределы воспринимаемой как данность рутины общества” [4, с. 126].

Страница из
личного дневника
А.В. Деливрона.
1938 г. Биографи-
ческий фонд
Социологического
института РАН

В этом контексте важной проблемой остается вопрос о том, насколько предлагаемый автором биографического текста смысл собственных поступков совпадает с самими поступками [20, с. 118; 21, с. 154]. Многие исследователи отмечают, и мы с этим вынуждены согласиться, что объективную историю жизни человека едва ли возможно получить, используя только автобиографический нарратив и не прибегая к другим методам и эмпирическим данным.

Следующие элементы коммуникации — тема, план, способ и средства коммуникации, нормативная рамка, пространственная и временная ограниченность рассказа — неразрывно связаны друг с другом. Автобиографический нарратив *тематизирует* определенную область жизненного мира, релевантную конкретной ситуации рассказа. Рассказ о жизни выстраивается в соответствии с определенной *целью*, определяющей общий *план* повествования, который, впрочем, может уточняться в отдельные

моменты рассказа. Более того, в биографическом повествовании можно наблюдать “пересборку” как реинтерпретацию автором фактов своей жизни по ходу рассказа [11, с. 114–115]. Факт “пересборки” — наглядный пример влияния представлений человека в настоящем времени на события прошлого. На эту особенность обращает внимание З. Бауман: “<...> жизни прожитые и жизни рассказанные тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Можно сказать, что, как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмешиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается и о ней становится возможным рассказать” [2, с. 9]. Множественность автобиографий (по крайней мере, несколько “канонических” версий собственной жизни) определяется особенностями той идеологии, в соответствии с которой выстраивается рассказ, и конкретными условиями этого события.

Автобиографический рассказ также зависит от *способа коммуникации и коммуникативных средств*. Существует два основных способа автобиографической коммуникации — устный и письменный.

Повествование о собственной жизни в приватном разговоре или письменный рассказ для потомков одного и того же человека могут сильно отличаться друг от друга. Вероятно, это обстоятельство будет обусловлено совсем не тем, что рассказчик хочет ввести в заблуждение своего слушателя или ориентируется на достижение разных целей. Использование нарратором того или иного коммуникативного способа (нормативности письменного или устного повествования) может производить такое же различие в его репрезентации жизни, какое существует между письменной и устной речью. Но какой бы способ при автобиографической коммуникации ни использовался, в любом случае описание собственной жизни создается на языке обыденной реальности: повседневная речь, которой владеет человек, определяет метаструктуру его жизнеописания. На эту особенность следует обратить внимание, так как символический универсум повседневности конституирует в нарративе репрезентацию жизненного мира.

Коммуникативные средства также оказывают значимое влияние на рассказ о собственной жизни. К ним относятся как сугубо лингвистические (риторические фигуры, лексический запас и т.д.) и паралингвистические (отдельные звуки, выражающие эмоции; мимика; жесты; почерк; смайлики), так и технические (диктофон в биографическом интервьюировании, публичное пространство блогосферы и т.д.). Как отмечает Е.Ю. Рождественская, “говорящее тело и телесный язык отражают в ситуации интервью и определенные социо-структурные аспекты <...>” [14, с. 66], то есть жизненный мир репрезентируется не только в содержании сообщения, но и проявляется в самих коммуникативных средствах.

Автор собственного жизнеописания также накладывает на свой рассказ *нормативную рамку*, ее образуют два измерения.

С одной стороны, в биографическом повествовании личная история соотносится с содержательной нормой социокультурного опыта, то есть особенности собственной жизни сопоставляются с жизнью других и общества в целом⁴. С другой — нормативная рамка выступает в качестве формальной нормы биографического повествования как литературного жанра. В этом случае норма стандартизирует опыт, понимание, сам поток жизни в социально приемлемую конфигурацию рассказа, ограничивает содержание формой.

Роль самого рассказывающего субъекта в жизнеописании может стать критерием для выделения различных жанров автобиографического нарратива. В автобиографии рассказчик — главный действующий герой, в воспоминаниях основной акцент перенесен с личности рассказчика на описание событий, других людей, в семейной хронике повествователь описывает свою жизнь в контексте жизни семьи, рода, клана. Жанр биографического повествования задает метаструктуру рассказа, и события выстраиваются в соответствии с нормативными представлениями субъекта о канонической форме того или иного жанра. В этом плане жанр биографического повествования может сильно влиять на содержание репрезентируемого жизненного мира.

В автобиографическом нарративе также присутствует *временная* и *пространственная ограниченность*, локализирующая рассказ в определенной точке пространственно-временных координат.

Временная составляющая включает два параметра: 1) интервал исторического времени, охваченный рассказом; 2) время самого рассказа (одно дело биографическое интервью, ограниченное определенным количеством времени, другое дело дневник, который ведется на протяжении всей или большей части жизни автора). Более того, истории жизни одного и того же человека, рассказанные им в разные моменты времени, при прочих равных условиях могут отличаться. В этом случае на нарративизацию будут воздействовать не столько отдельные события, которые имели место на временном интервале между «биографическими срезами», сколько приобретенный благодаря им жизненный опыт и новый взгляд на мир, самого себя, а, следовательно, логика интерпретации.

Ян Вермеер
Дельфтский.
Девушка, читающая
письмо у открытого
окна. 1657–1659.
Дрезденская
картинная галерея

⁴ Часто эта особенность проявляется и на сознательном, и на подсознательном уровне в подзаголовках к автобиографическим произведениям (“О времени и о себе”, “Мир во мне и я в мире” и т.п.).

Также в биографическом нарративе репрезентируется *темпоральная структура* жизненного мира, в которой можно выделить космическое время (объективная продолжительность, подчиненная природным законам), внутреннее время (индивидуальное переживание длительности событий) и стандартное время (темпоральный регулятор общей социальной практики людей — дни недели, будни, праздники) [18]. В автобиографии космическое время проявляется в хронологии, конституирующей повествование: дата рождения, определенные знаковые события, происходившие в определенном году или возрасте. Структуру биографического повествования определяет в большей степени внутреннее время. Оно нарушает и даже разрушает логику повествования, заданную космическим временем (например, мимолетные, эмоционально насыщенные эпизоды жизни могут занимать значительную часть рассказа, тогда как многолетние этапы жизни окажутся “забытыми”). Стандартное время проявляется в описании рутины повседневной жизни, в регулярности, цикличности тех или иных событий.

Пространственная локализация нарратива связана с описанием как конкретной социальной среды, так и географического (физического) пространства, в котором разворачиваются сюжеты повествования.

Наконец, автобиографическое повествование как коммуникация зависит от *адресата* — того субъекта, для которого предназначен этот рассказ⁵.

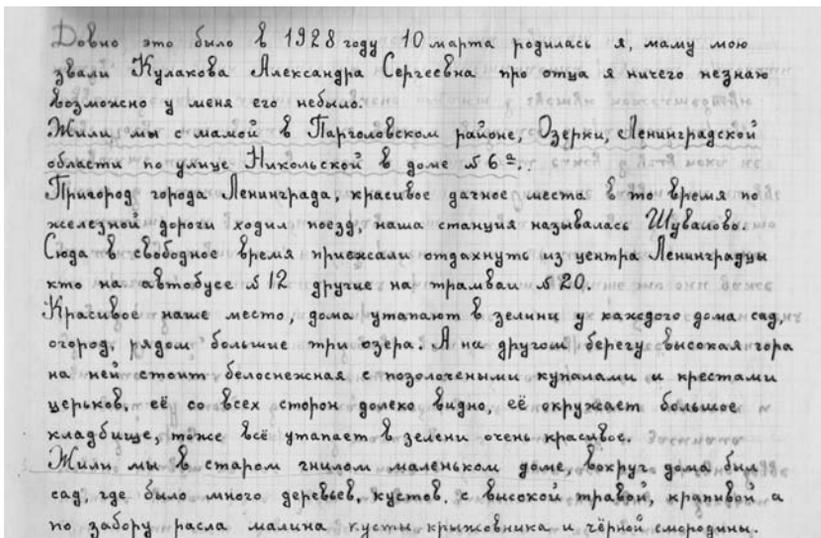
Потенциальным адресатом может выступать сам адресант либо аудитория различного масштаба (от человека до всего человечества в целом). По критерию адресата могут быть выделены следующие типы:

- автобиография-дневник (адресант и адресат совпадают);
- автобиография для значимого Другого (адресантом является значимый Другой);
- публичная автобиография (потенциальным реципиентом может стать любой другой)⁶.

Когда нарратив адресован себе или конкретному другому, адекватное понимание его сторонним субъектом затруднено в силу того, что в этом случае используется дополнительный арсенал кодов (для обозначения “вещей, известных сообща” [8, с. 31], не рассчитанных на всеобщее понимание. В соответствии с увеличением степени анонимности адресата увеличивается мера рационализации собственной жизни и социокультурного контекста, так как автор старается, чтобы его рассказ был воспринят адекватно замыслу. Автор рассчитывает на правильное понимание своего жизнеописания. Он использует общие для представителей определенной социокультурной среды коды, которые могут быть правильно интерпретированы. В этом случае умолчания, намеки, недосказанности и двусмысленности в автобиографии сведены к минимуму.

⁵ С точки зрения формальной логики, высказывание “свинья и есть свинья” не имеет никакого смысла в силу своей тавтологичности. На этом примере становится очевидным зазор между формально-логической рациональностью и рациональностью здравого смысла. Эта фраза сказанная в здесь-и-сейчас ситуации интерпретируется в зависимости от контекста — в первую очередь от самих участников коммуникации и их жизненного мира.

⁶ Выделенные типы автобиографий опираются на типологию форм коммуникации, предложенную А.Н. Алексеевым [1, с. 47–48].

К. Дивисенко
Репрезентации
жизненного мира
в автобиографии

Первая страница
автобиографии
М.Н. Рублевой.
1991 г. Биографи-
ческий фонд
Социологического
института РАН

Рационализация жизненного мира как процесс критического рассмотрения и оправдания повседневных убеждений и навыков, которые люди обычно считают само собой разумеющимися, осуществляется посредством автобиографического письма. Эти очевидные убеждения и навыки — часть жизненного мира наряду с другими практическими компетенциями, что позволяет действовать в социальном мире. Написание автобиографии, рассказ о собственной жизни вызывают некоторое отчуждение от рутины, изо дня в день переходящих событий, так как процесс рационализации предполагает вопрошание в адрес тех областей, которые кажутся очевидной данностью. Автобиография как критическое рассмотрение собственной жизни является своего рода насилием, поскольку то, что не является по своей природе нарративом, выстраивается по логике нарратива.

Другое звено коммуникации — восприятие адресатом нарратива (текста или устного рассказа) о событиях личной истории адресанта. Данная подсистема коммуникативного действия — понимание автобиографического повествования — так же сложна и многоаспектна, как и создание нарратива, и требует подробного рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что в момент восприятия автобиографического нарратива, интерпретатор вступает в диалог с автором, будучи одновременно и наблюдателем ситуации, и участником данной коммуникации.

Адресатом автобиографического повествования может быть как незаинтересованный слушатель или читатель, так и социальный исследователь. Первый неосознанно занимается герменевтической интерпретацией⁷, а второй призван не только понять непосредственное содержание и ситуацию рассказа, но и рационализировать данную коммуникацию, проблематизируя то, что обычно считается само собой разумеющимся. В лю-

⁷ В данном контексте под “пониманием” подразумевается овладение смыслами, а под “интерпретацией” — процесс достижения понимания, или как её определяет П. Рикёр, “работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом <...>” [15, с. 51]. Это уточнение видится значимым, так как понятия “понимание” и “интерпретация” в научном дискурсе часто отождествляются. Эти два понятия иногда различают на другом основании. Понимание рассматривается как восприятие само собой разумеющегося, того, что не требует интерпретации (находится ниже ее уровня). Дискурсивное переформулирование и перевод с одного языка на другой оканчивается областью интерпретации [17].

бом случае, адекватное восприятие автобиографического нарратива другим субъектом предполагает понимание. Если в повседневной жизни понимание достигается на интуитивном уровне, то для исследователя становится необходимым использование в той или иной мере средств герменевтики, которая, согласно Х.-Г. Гадамеру, является общим методологическим аппаратом для гуманитарных наук [7, с. 14].

В том случае, когда адресатом оказывается исследователь, интерпретация жизненного мира в биографическом нарративе предполагает двойную герменевтику — понимание исследователем нарратива и понимание собственного жизненного мира как системы координат, задающей ему категориальную сетку интерпретации. Эту исследовательскую позицию можно обозначить как гиперрефлексивность — внимание не только к изучаемому предмету, но и к своим пред-рассудкам [22, с. 109].

Подводя итог, отметим, что коммуникативный подход позволяет рассматривать автобиографическое повествование как диалогическое взаимодействие автора и адресата. Методологические трудности интерпретации жизненного мира в биографическом нарративе связаны с тем, что исследователю необходимо учитывать собственные пред-рассудки (пред-суждения) как проявления своего жизненного мира. В биографическом нарративе конституируется жизненный мир в двух планах. На уровне содержания жизненный мир предстает как описание и интерпретация событий личной истории жизни индивида, а на лингвистическом (нарративном) уровне он оказывает влияние на использование отдельных риторических тропов и архитектонику рассказа в целом⁸.

На процесс репрезентации жизненного мира в биографическом нарративе воздействует ряд факторов: тема, цель, план повествования, временная и пространственная ограниченность, адресат, коммуникативные средства и др. Вариативное разнообразие биографических повествований отдельного субъекта зависит от конкретных ситуаций, в которых происходил рассказ о жизненных событиях. В пространство биографического повествования попадает как фактуальная сторона жизни индивида, так и интерпретативная (оценочная, ценностная, нарративно-субстанциональная), в равной мере важные и необходимые для изучения жизненного мира личности.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // “Телескоп”: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4.
2. *Бауман З.* Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁸ Двойная репрезентация жизненного мира в автобиографическом повествовании (в содержательном и формальном планах) диктует необходимость использования нарративного анализа, в котором подразумевается исследование не только и не столько содержательного аспекта, но способов упорядочивания жизненного опыта в повествовании.

4. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы междунар. семинара. СПб.: ЦНСИ, 1997.
6. Валеvский А.Л. Биография в контексте философского анализа // Философская и социологическая мысль. Республиканский научно-теоретический журнал. Киев, 1989. № 8.
7. Гадамер Х.-Г. Философия и герменевтика // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
8. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования “доверия” как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1.
9. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2006.
10. Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1.
11. Димке Д. Советское детство: модель для сборки // Право на имя. Биографика 20 века. Седьмые чтения памяти Вениамина Иоффе: Сборник докладов. СПб.: Мемориал, 2010.
12. Дреер Й. Символ и теория жизненного мира: “Трансценденции жизненного мира и их преодоление посредством знаков и символов” // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2011. № 3.
13. Мануильский М.А. Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. 2005. № 5.
14. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7.
15. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
16. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003.
17. Шустерман Р. Ниже уровня интерпретации // Вопросы философии. 2008. № 7.
18. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы / Под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Владимир Даль, 2007.
19. Цветаева Н.Н. Идеология и ментальность. Опыт социологического прочтения биографических текстов и интервью // На перепутьях истории и культуры. Труды филиала института социологии РАН. СПб., 1995.
20. Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1–2.
21. Черепанова Р.С. Сказанное и недоговоренное. Опыт интерпретации коротких биографических рассказов // Человек. 2008. № 6.
22. Чудова И. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. 2008. № 6.
23. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.
24. Habermas J. The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1985.